

История жизни Отца, рассказанная им самим

Ниже приведены отрывки из третьей и четвертой глав второй книги цикла «Жизненный путь Истинных Родителей» (참부모님 생애 노정). Эти книги составлены из отрывков речей, которые Истинный Отец давал на протяжении многих лет, и следуют в относительном хронологическом порядке, представляя по форме автобиографию. 12 томов из этого цикла опубликованы на корейском языке. Перевод этих материалов на английский язык еще далек от завершения и никогда не был доступен в напечатанном виде. Этот перевод по мере возможностей готовили специально для Истинных Детей, когда они были маленькими. Данные отрывки были заново переведены и отредактированы для журнала *Today's World*.

Мы представляем вашему вниманию перевод на русский язык двенадцатой, тринадцатой и четырнадцатой публикаций из этого цикла в номерах *Today's World* первой половины 2009г., в которых Отец рассказывает о своих переживаниях во время заключения в трудовом лагере Хыннам.

Третье тюремное заключение, продлившееся долгих 2 года и 8 месяцев, стало для Истинного Отца самым тяжелым крестным испытанием среди шести его тюремных заключений. В этом году 14 октября мы отметим 59-ю годовщину освобождения Отца из Хыннама.

Жизнь под сенью смерти

Тюрьма в Пхеньяне, трудовой лагерь Хыннам

Как только я начал проповедовать, ко мне стало приходить все больше и больше людей. Однако политика властей на севере Кореи в тот момент заключалась в систематическом уничтожении всех религиозных групп. Кроме того, пасторы местных церквей увидели, что многие их прихожане начинают переходить ко мне, и решили донести на меня властям. Так я оказался в тюрьме в третий раз. Это случилось в 10 часов утра 22 февраля 1948 года.

Меня обвинили в том, что я являюсь южнокорейским шпионом, агентом правительства Ли Сын Мана в Сеуле, и выдвинули против меня все мыслимые и немыслимые обвинения. Они утверждали, что я послан теми, кто хочет захватить власть к северу от демилитаризованной зоны, и что моя цель — разорять и грабить; словом, против меня выдвинули самые нелепые обвинения, чтобы только меня арестовать.

В тот день, когда меня заковали в наручники и повели в тюрьму, я сказал себе: «Все, что происходит сейчас — это знак того, что Бог любит меня».

В конце концов, я был вынужден пройти путь всемирной пустыни. Необходимо было искупить 4300 лет истории за 43 года; это был изнурительный и несправедливый путь. Вы даже не представляете, какие горькие и трагические обстоятельства заставили меня отправиться в концентрационный лагерь Хыннам после утраты всего национального и мирового основания, которое Бог готовил шесть тысяч лет. Такое чувство, что буквально вчера все те люди, которые так хотели приветствовать меня как человека, несущего надежду на будущее для небес и земли, рыдали захлеб, глядя, как меня уводят в крошечный ад и мир тьмы, и мы клялись со слезами отчаяния, что встретимся вновь. Кажется, будто только вчера я прокричал им: «Мы расстаемся, но я пройду этот путь и однажды вернусь назад с ярким утренним солнцем, сияющим из глубин моего сердца, чтобы снова дать вам свободу!» Я никогда не забуду, как прокричал им эти слова в тот момент, когда меня уводили в наручниках. И с тех пор каждый раз, сталкиваясь с трудностями, я вспоминаю о том, как молился тогда.

Меня бреют наголо

Я был заключен в тюрьму Отделом служебных расследований из-за зависти христианских пасторов, а также из-за политики коммунистического режима, которая собиралась покончить с религией. 25 февраля меня обрили наголо. Я хорошо запомнил человека, который брил меня, и день, в который это произошло. Я никогда не забуду, как мне пришлось сидеть и смотреть на то, как мои волосы падают на пол.

В тот момент я сказал Богу, что был посажен в тюрьму моими недоброжелателями, и что меня побрили против моей воли. Вы даже не представляете, как ярко при этом сверкали мои глаза! Я смотрел, как падали на пол мои волосы и уходило то счастье, к которому я стремился. Мне было особенно горько оттого, что меня брили в присутствии моих врагов. На пути восстановления, когда различные обстоятельства переплетаются между собой, пережить подобные ситуации было особенно тяжело.

Пытки и допрос

Даже во время самых жестоких пыток, когда я харкал кровью, раз за разом падал на пол и, в конце концов, терял сознание, я никогда не просил Бога о помощи.

Вместо этого я всегда молился: «Отец, не беспокойся, я еще жив и пока не собираюсь умирать. Я все еще верю в Тебя. У меня все еще есть миссия, которую мне нужно выполнить».

Я был преданным сыном и утешал Бога. Я сдерживал себя, чтобы не сплюнуть кровавые сгустки, и распрямлял спину. Даже в безлунные ночи

после пытки я никогда не забывал ту жизнь, которую вел раньше, и продолжал утешать Небеса.

Падая в обморок во время пыток, я мог слышать голос Бога. Когда моя жизнь, казалось, висела на волоске, я встречал Бога. Вы не можете даже представить, в каких тяжелых обстоятельствах рождалась эта истина, и какими глубокими долинами и мрачными лабиринтами мне пришлось пройти, прежде чем истина Церкви Объединения увидела свет. Это была ситуация, когда любой мог бы спросить меня: «Послушайте, преподобный Мун, как вы дошли до такого?»

Я терпел побои не ради себя самого, а ради всей страны. Слезы, которые я проливал, были слезами искупления и платой за то, чтобы я смог взвалить на плечи боль всего народа.

Обстоятельства призывали меня крикнуть в лицо сатане: «Ну давай, негодяй, ударь меня! Ударь еще! Придет время, и я расплачусь с тобой в семикратном размере. Прямо сейчас ты даешь мне массу поводов сделать это».

Даже когда меня приводили на место пыток, я подталкивал своих мучителей к тому, чтобы они ударили меня.

Под одеждой у меня во многих местах есть шрамы, появившиеся после того, как я избрал этот образ жизни. Глядя на свои шрамы, я думаю о них как о наградах, дарованных мне человечеством и Небесами. Эти шрамы напоминают мне: «Не забыл ли ты данный тобой обет? Не забыл ли ты, как клялся следовать этим путем с риском для жизни, пока смерть не остановит тебя?»

Всякий раз, глядя на эти шрамы утром, днем или вечером, я заново даю обет посвящения. Я говорю себе: «Раз тебе достались эти шрамы, ты должен победить». Я ободряю самого себя и толкаю к победе.

Я предстал перед судом

По плану северокорейских властей я должен был предстать перед судом 3 апреля, но сбор всех обвинений для закрытия Церкви занял у коммунистов больше времени, поэтому суд состоялся лишь 7 апреля. Это был мой сороковой день заключения. Итак, из-за преследования христиан я оказался в тюрьме; коммунистам же потребовалось дополнительное время для подготовки обвинительного заключения, так как они хотели показать членам партии, что религия — это опиум, несущий лишь зло.

Во время суда несколько христианских священников вышли и свидетельствовали против меня, обвиняя во всех смертных грехах. Вам трудно представить, каким шоком для меня была эта процедура. Я все еще помню это. Всю свою жизнь я не мог забыть, как я чувствовал себя в тот момент, когда меня взяли под стражу и затем предали суду. Когда ты

осознаешь, что скоро тебя будут судить, и что каждое твое слово может повлиять на твою судьбу, сердце пронзает щемящее чувство безысходности.

Я не буду вдаваться в подробности о том, как я смеялся над коммунистической партией. Я сказал им, что не собираюсь исчезать только потому, что они свалили на меня кучу обвинений. Кажется, только вчера я говорил им, что, хотя я иду в тюрьму не жалуясь, настанет день, когда они все будут у меня в руках, и что человечество заставит их ответить за свои поступки. Стратегия Небес заключалась в том, чтобы гарантировать, что я ни в малейшей степени не буду симпатизировать коммунизму и не проявлю слишком больших симпатий к христианству, которое находилось под властью коммунизма. Бог хотел, чтобы я отказался от всего этого.

Мои последователи провожают меня

После вынесения приговора из зала суда меня вновь повели в тюрьму. Уходя, я потряс наручниками перед членами моей Церкви, и они откликнулись на этот жест. До сих пор я помню, как помахал им руками на прощанье и как громко зазвенели наручники на моих запястьях. Казалось, тот момент был снят на кино пленку ради будущих поколений, чтобы стать мощным основанием для множества молодых людей, которые в будущем принесут клятву посвящения.

Петь песнь надежды на завтрашний день куда эффективнее, чем печалиться о нынешних бедах. Сердце может расти лишь в том случае, если оно исполнено надежды на будущее, а не горьких сожалений о нынешних несправедливостях. При этом неважно, каким злым был враг, надевший в тот день на меня наручники. Когда я, будучи закован в наручники, помахал на прощание моим любимым членам Церкви, мои слова стали отправной точкой для суда истории. Вот что я чувствовал в тот момент. Как человек и как зрелый муж, я должен был достойно пройти этот путь. Ни тюрьма, ни даже смерть не были помехой тому, кто понимал, что он может утвердить эталон изначальной ценности.

Я все еще не могу забыть, как мои последователи в Пхеньяне махали мне на прощанье, когда меня уводили из зала суда. Я не пролил ни слезинки, а они плакали так, словно их ребенок умирал или их муж уходил, чтобы никогда не вернуться. Я видел, как они шмыгали носом и утирали слезы. Все это было так трагично! Глядя на то, что творилось в зале, я чувствовал, что человек, отправившийся на поиски Небес, не может быть несчастным.

При всем желании я никогда не смогу забыть их голоса и то, как сотрясались в рыданиях их тела, когда меня уводили в тюрьму. Это действительно очень горько. Когда я вспоминаю те моменты, я чувствую боль.

Заключение в тюрьму Пхеньяна ¹

17 апреля меня заковали в наручники и отправили в пхеньянскую тюрьму, но я шел туда с чувством надежды. Я пытался представить, что произойдет, когда я пройду этим путем. Мне было очень интересно это узнать. Когда мне вынесли приговор и отправили в тюрьму, я был полон надежды. Я понимал, что даже в тюрьме найдутся люди, подготовленные Богом. Вместо того чтобы унывать из-за своего положения, я думал о том, что же случится после этого. Я говорил себе: «Мне нужно перейти еще один перевал». Я ожидал чего-то особенного и хотел знать, что же это будет.

Всякий раз, когда я попадал в тюрьму, мне всегда удавалось очень быстро подружиться с самым главным заключенным в камере. Мне достаточно было перекинуться с ним парой слов, как мы становились приятелями. Обычно я подсаживался к нему и составлял психологический портрет каждого человека в камере. «У этого человека лицо такой вот формы, поэтому он такой-то, а вот с тем случится то-то и то-то, потому что его лицо вот такое», и т. д. Ему могли не понравиться мои слова, но он знал, что я прав. Понаблюдав за лицом старшего по камере и пообщавшись с ним в течение недели или даже трех дней, я уже мог сказать ему все, что угодно. Если я занимал самое низшее положение в камере, где было очень тесно, он просил меня передвинуться повыше. Даже если я отказывался, он настаивал, чтобы я переместился выше. Я мог подружиться с любым человеком и сделать любого своим приятелем.

Когда ты находишься в тюрьме, каждый день может стать материалом для целого романа. Иногда ты слышишь, как кто-то играет на флейте, и начинаешь подпевать этой мелодии, и тогда все окружающие присоединяются к пению. В какой бы ситуации ты ни оказался, тебе всегда нужно суметь приноровиться к ней, и тогда ты станешь человеком, который оставит свой след в истории.

Мой большой недруг посещает меня

Когда я сидел в тюрьме, мой бывший враг пришел ко мне просить прощения. Мне было очень непросто решить, встречаться с ним или нет, поскольку именно он нес ответственность за то, что меня посадили в тюрьму. Человек, сыгравший главную роль в том, чтобы я получил срок, вдруг в один прекрасный день появился передо мной. Момент, когда я встретился с ним лицом к лицу, был не из приятных. Я сделал вид, что не узнал его, и сказал: «Боюсь, я не знаю вас». Я посмотрел ему в глаза.

¹ Крупнейшая тюрьма в Корее, построенная японцами. В ее камерах площадью в 7.5 или 14 кв.м. содержались целые группы заключенных.

Раньше его взгляд был злым и порочным, но теперь выражение его глаз смягчилось, и он стоял передо мной с видом вполне нормального человека. Он сказал, что сделал в прошлом нечто такое, за что сейчас хотел бы попросить у меня прощения. Также он просил не думать плохо о его визите ко мне.

Уходя, он оставил мне немного еды. Есть мне ее или нет? Для меня это был трудный вопрос. В таком месте, как тюрьма, еда ценится вдвойне. Этот человек принес мне еду в обед, но я отложил ее до вечера, чтобы хорошенько обдумать, что же с ней делать. Если бы я не открыл закон любви, я не смог бы принять такое угощение. И только после серьезных раздумий я решил, что эту еду следует взять и разделить с товарищами по камере.

Помимо всего прочего, этот человек занимал определенный пост в коммунистической партии. Он был членом Комитета Безопасности и, должно быть, понимал, что встреча со мной в присутствии тюремной охраны не лучшим образом отразится на его репутации. Я видел, что у него было будущее, и очень серьезно подумал о его ситуации, хотя мы и были врагами. Я увидел, что если мы расстанемся с ним в нормальных отношениях, в будущем мы могли бы встретиться вновь, и он мог бы начать новую жизнь. Я до сих пор думаю о нем именно так. В той тюрьме я часто чувствовал одиночество, и этот человек пришел как раз тогда, когда мне было одиноко; он принес мне утешение, и я этого никогда не забуду.

Особый трудовой концлагерь Понгун как часть лагеря Хыннам

Я помню, что случилось 20 мая несколько десятков лет назад. Именно в этот день после того, как меня заключили в следственный изолятор пхеньянской тюрьмы и вынесли приговор, я был переведен в тюрьму Хыннам.¹

Много раз в тюрьме я плакал от гнева, когда меня избивали и подвергали несправедливостям. Я стыдился даже думать о Боге и пытался скрыть от Него свое лицо и тело. Вот почему когда меня сковывали наручниками по дороге в тюрьму, я попросил, чтобы меня связали с убийцей. Мы стали с ним друзьями.

Все 17 часов, пока нас перевозили в Хыннам, мы провели в кандалах. Как вы думаете, о чем я размышлял в тюремном вагоне по пути на каторгу? Это была вопиюще возмутительная ситуация. Если даже для меня она была

¹ Как выяснилось, Отец отбывал срок в двух разных лагерях тюрьмы Хыннам. В первый лагерь, Понгун, Отец прибыл 20 мая, а в другой, о котором Отец упоминает ниже, его отправили 21 июня. Оба этих концлагеря обслуживали фабрику по производству удобрений.

оскорбительной, представьте, насколько унижительной и горькой она была для Бога! Я глядел из окна тюремного вагона на проносящиеся мимо пейзажи, и моя решимость крепла. Представляете, каким серьезным я был, глядя на то, как горы сменяются лугами? Если бы я был один, я мог бы сбежать, но я был скован наручниками с худшим из злодеев. Какие только мысли ни приходили мне в голову во время пути...

По дороге в Хыннам мы проходили по глубокому ущелью между гор, идя по тропинке вдоль берега небольшой речки. Я до сих пор помню, как мы шли по этой извилистой тропке через горную долину. Я представлял, что каждый мой шаг — это новое начало на пути к построению нового мира. Как я буду жить в тюрьме? Я знал, что мне будет трудно, но был полон решимости идти вперед. Для меня это была хорошая возможность по-новому узнать себя.

В тот момент, когда мы переступили тюремную ограду, я почувствовал, что этот опыт был необходим для того, чтобы мы смогли перейти из мира сатаны в Божий мир. Я решил, что даже в таком окружении я не открою людям, кто я такой, и не позволю себе измениться ни внешне, ни внутренне.

Принудительный труд на фабрике по производству удобрений

21 июня. В этот день в 1948 году я попал в концлагерь. Меня посадили в северокорейскую коммунистическую тюрьму, где в течение двух лет и восьми месяцев я занимался тяжелым физическим трудом на фабрике по производству удобрений.

Следствием большевистской революции стало то, что многие русские люди были сосланы на принудительные работы. Коммунистическая идеология не допускает существования частной собственности, а также любых антикоммунистических элементов. В глубине души коммунисты хотели бы уничтожить всех своих противников, но перед лицом мирового общественного мнения они не могли это сделать. Поэтому коммунистическая партия согнала всех своих недругов в концлагеря, навязала им насильственный труд и стала ждать, пока они умрут. Именно в таком трудовом лагере в Северной Корее я и оказался. Ким Ир Сен взял советский опыт за образец и осудил всех заключенных на три года каторжных работ. Он оставил их умирать.

Утренняя проверка и длинная дорога

Утром перед тем, как отправиться на работу, всех заключенных выгоняли из камер. Мы собирались на пустыре, где нас обыскивали на наличие запрещенных предметов.

Работа начиналась в 9 часов утра. До места работы нужно было идти 4 километра, на что у нас уходил час или час двадцать. Вместе со временем на еду это в общей сложности занимало 2 часа. Чтобы начать работу в 9 утра, нам приходилось вставать в 4.30. В такой ситуации, если человек садился, у него начиналась кружиться голова. Он силился встать, но не мог.

Иногда утренняя проверка занимала 2 часа, и тогда мы чувствовали, что холод проникает в нас и как будто выгрызает частички нашей плоти. Во время работы мы чувствовали гораздо больше свободы. Когда ветер дул с океана, случалось, он приносил с собой мелкие камешки. Этот ветер, постоянно хлеставший нас, был нашим реальным врагом. Он был настолько холодным, что люди невольно дрожали и кричали. Даже если мы изо всех сил старались не шуметь, ничего не помогало. В такой ситуации я пытался побороть холод и преодолеть его тем, что думал про себя: «Пусть будет еще холоднее, еще холоднее, еще холоднее!»

Каждое утро, отправляясь на работу, мы должны были разбиться на четыре колонны и взяться за руки с теми, кто идет впереди и сзади. По обеим сторонам колонны шла вооруженная охрана. Если кто-то выпадал из строя или был уличен в том, что отпустил руки, о нем докладывали как о заключенном, пытавшемся бежать. Кроме того, запрещалось держать голову прямо.

Несмотря на то, что мы ели перед тем, как отправиться на работу, наши ноги были такими слабыми, что по пути на фабрику мы часто спотыкались. За все четыре километра пути это случалось 5-6 раз, а иногда и больше десяти. У нас не хватало сил, но нам приходилось буквально доползать до фабрики и работать. Я вспоминаю об этом каждый раз, когда мое положение кажется мне трудным. В той же ситуации, когда сознание было готово вот-вот покинуть меня, я давал обет стать Божьим человеком. Это помогло мне выжить.

Рабский труд на фабрике по производству азотных удобрений Чосан (фабрика концлагеря Хыннам)

Я работал на фабрике удобрений, где сульфат аммония с помощью конвейера сбрасывался на пол в одну огромную кучу. Сначала он был горячим, но через некоторое время расплавленные кристаллы слипались и затвердевали кусками подобно льду. Когда сульфат аммония, проходя по конвейеру, падал на пол, это было похоже на водопад — на белый водопад. Гора удобрений достигала 20 метров в высоту. Нам нужно было брать сульфат аммония из этой горы и расфасовывать его по мешкам. Этим занимались 800-900 человек. Обычно мы брали кучу аммония и делили ее на две части.

Это была очень тяжелая работа. За день каждая команда из 10 человек должна была упаковать 1300 мешков удобрений по 40 кг. каждый. Если команда не успевала завершить работу за 8 часов, пищевой паек для каждого из членов урезался наполовину. Для защиты рук мы надевали на пальцы что-то наподобие матерчатых наперстков. Однако во время работы с мешками эти чехольчики быстро стирались до дыр и терялись. Норма каждого члена команды составляла 130 мешков в день, и это был крайне изнурительный труд. Обычный человек вряд ли уложит даже 70 или 80 мешков. Нас же заставляли делать почти в два раза больше. По сути, нам дали приказ умереть.

Затем расфасованные по мешкам удобрения нужно было доставить в порт и погрузить на советский корабль, пришвартованный у причала. В день нужно было загрузить определенное количество тонн удобрений, и это строго контролировалось.

Серная кислота губительна для здоровья. Из-за нее выпадают волосы, а кожа при нажатии начинает сочиться сукровицей. Через полгода вы начинаете кашлять кровью. Из-за этого многие думали, что заразились туберкулезом, и впадали в полное уныние, ожидая скорой смерти. Люди выдерживали год-полтора, от силы два года, а потом умирали.

Очень скоро кожа начинала трескаться и кровоточить, и через некоторое время протиралась до костей. Меньше чем за неделю наши хлопковые робы полностью изнашивались. После шести месяцев пребывания в лагере все кожные клетки человека отмирали, и тело при малейшем нажатии сочилось сукровицей. Мы просыпались утром и видели, как из трещин на коже идет кровь.

Каждый день, проработав половину времени до обеда, мы отдыхали пятнадцать минут, затем был обед, который длился час, и потом еще пятнадцать минут перерыва во второй половине рабочего дня. Таким образом, всего у нас было полтора часа отдыха. Во время обеда все заключенные были настолько измотаны, что ели прямо на рабочем месте.

Вам, возможно, интересно узнать, как мы ходили в туалет. На большой фабрике, где мы работали, прямо в земляном полу вырыли большую яму и укрепили ее бетоном. Труба на дне этой ямы выводила экскременты наружу. Мы использовали эту яму для того, чтобы справлять нужду, но когда позыв сходить в туалет заставлял нас на рабочем месте, нам не оставалось ничего другого, как вырыть ямку в куче сульфата аммония и сходить прямо туда. Все равно кругом были одни удобрения, так что мы просто добавляли туда немножко «от себя». Нам приходилось действовать очень быстро, иначе нас могли жестоко избить.

Полный вклад в работу

Завязывая мешки с удобрением, я говорил себе, что это — моя последняя передовая линия фронта. Хотя я был занят тяжким трудом, я не думал о нем как о таковом. Время работы стало для меня временем молитвы. Я говорил себе, что рожден для выполнения этой работы. Я всегда вкладывал в работу всю свою искренность и посвященность, словно на провиденциальном пути восстановления. Во время работы я постоянно вспоминал о том, что испытал в духовном мире, и представлял себя главным героем фильма, который я когда-нибудь покажу своим потомкам и последователям. Иногда я даже не слышал удара в колокол, возвещающего перерыв.

Я часто слышал, как люди называли меня «стальным человеком». Приступив к какой-либо задаче, я выполнял ее с искренней радостью. В тот момент я любил свою работу больше, чем любой другой человек. Я просто отдавался этому чувству, и все; в этом и был весь мой секрет. В конце концов, я находил способ справиться с задачей. Жизнь в тюрьме трудна, и вам нужно суметь приспособиться к ней. Я сказал себе, что даже если мне придется умереть в этой тюрьме, я хочу сделать это с таким отношением, чтобы люди могли сказать: «Этот человек умер победителем, а не побежденным».

В то время я весил 19.3 кван¹, то есть где-то 72 кг. Все остальные заключенные худели, а я сохранял свой вес, и люди стали интересоваться, почему так происходит. В течение почти трех лет, проведенных в тюрьме, я почти не болел. Только однажды я подхватил малярию. Однако, как бы плохо я себя ни чувствовал, я не принимал лекарств. Я продолжал работу даже во время поста. Я проболел малярией 24 дня, но ни разу не позволил себе отдохнуть от работы. Тому, кто пытается избежать трудной задачи, не справиться с ней и не выжить.

Добровольный выбор самой тяжелой работы

Когда ты сидишь в тюрьме, важно не позволять себе оставаться в долгу перед кем-либо, даже если ситуация очень трудна. Это — путь достижения самого высокого положения. На пути искупления нельзя получать никаких поблажек от других людей.

Я знал об этом, поэтому, оказавшись в заключении, я сразу же решил, что буду брать на себя самую трудную работу, которая никому не под силу. Другими словами, я возьму на себя ответственность, в несколько раз превышающую ответственность всех остальных. Я принял такое решение еще в самом начале.

¹ Старинная корейская мера веса; один кван равен 3,75 кг.

Вгрызаясь в гору удобрений, мы все дальше и дальше отходили от того места, где взвешивались мешки. Поэтому все больше времени уходило на то, чтобы подтаскивать их к весам, а это грозило тем, что мы не уложимся в отведенное время. Если мы углублялись в гору на четыре метра, нам требовалось на пять минут больше, чтобы донести мешок и сбросить его на весы. Мы не могли работать достаточно быстро, если бы кто-нибудь не согласился брать наполненные мешки и тащить их к весам. Но кто возьмется за такую тяжелую работу? И тогда я взял ответственность за нее.

Я выполнял около 30% работы всей нашей группы. Я брал на себя самую тяжелую часть работы и заботился об остальных членах команды, поэтому мы всегда заканчивали работу к половине первого вместо пяти часов вечера.¹ Если мы выполняли норму в 1300 мешков, все оставшееся время мы могли отдыхать. Удовлетворение от того, что работа закончена к полудню, а потом — обед и отдых до конца рабочего дня, может оценить лишь тот, кто сам испытал все это. Я стал победителем в своей работе, поэтому каждый хотел следовать за мной.

Если человек не может быть спасителем в тюрьме, значит, он мошенник, коли при этом называет себя спасителем в обычной жизни. Мне известно, что один человек, сидевший в тюрьме Хыннам, написал книгу, в которой назвал меня «святым в тюрьме».² Я не боюсь тюрьмы. Как бы безжалостно вас ни избивали, и какой бы тяжелой ни была тюремная жизнь, ничто не в силах сломить сердце, основа которого — любовь. Никакие обстоятельства не смогли разбить сердце, которое взывало к Богу, моему Отцу, и стремилось жить ради Него. Благодаря этой энергии я смог заложить основание для полного освобождения вертикальной сферы.

Быть скромным и стыдливым во время работы

Когда я отбывал срок в тюрьме Хыннам и работал на фабрике по производству удобрений, я всегда, даже в самые жаркие месяцы, носил длинные и закрытые рабочие брюки, подвязав их снизу полоской материи. Я

¹ Этот и предыдущий абзацы взяты из речей, произнесенных в разные годы. По мнению одного из членов нашего Комитета по истории, изучающего жизнь Истинных Родителей и историю Движения, серьезное стремление Отца выжить в тюрьме Хыннам и заложить необходимые условия для продолжения своей миссии питало его желание достичь в любой работе максимальной эффективности. Отец учился сам, а затем помогал остальным научиться работать слаженно подобно частям единого механизма. Немного потренировавшись, заключенные могли выполнять свою работу более продуктивно.

² Автор — Ким Ин Хо; книга называется «Дорога в Сеул» (서울로 오는길), и ее нет в английском переводе.

никогда не показывал свои голени. Я продолжал идти путем святости, на котором должен был проливать пот и посвящать свои труды Богу. Делая приношение искренности и посвящения Богу, я никому не хотел показывать свое тело.

Все вы знаете, что такое серная кислота. От нее поднимается густой пар. Работать в куче удобрений было так жарко, что даже зимой заключенные раздевались до нижнего белья. Я же всегда носил длинные брюки и следил за тем, чтобы мое белье нигде не выглядывало. Я всегда старался быть скромнее и стыдливее, чем женщина, хранящая свою непорочность. Я был полон решимости добраться до своей изначальной родины и установить изначальную традицию. Какой бы трудной ни была тюремная жизнь, я не мог позволить ей преградить мне путь. Находясь в сатанинском мире, я должен был принести Богу свое тело целиком и сохранить эталон, который Он желал видеть. Я должен был хранить свое целомудрие. Не только женщинам нужно хранить свою чистоту. Это должны делать и мужчины.

Награждение за образцовый труд

Я ни разу не потерпел неудачи в выполнении своей ответственности, и начальник тюрьмы начал выделять меня среди других. Он никогда не говорил мне ни слова, однако наблюдал за мной с восхищением. В тюрьме было не 30-40 человек, а 800 или даже больше 1000, но все понимали, что я стоил сотни рабочих.

Через несколько месяцев меня признали лучшим рабочим. Для предотвращения побега члены команды менялись каждый день, и когда наступал момент перехода в другую команду, каждый хотел перейти туда, где был лучший рабочий. Многие заключенные выстраивались позади меня.

Каждый год меня награждали как образцового работника. Вообще-то такого понятия, как «прирожденный чернорабочий», просто не существует. Я не знаю, что стало с теми наградами. Мне они были не нужны, поэтому я не хранил их у себя. Я получал их не потому, что хотел этого; тюремные власти сами хотели дать их мне. Я оказался в коммунистической тюрьме и стал в ней лучшим работником, поэтому во всем мире не найдется такого дела, на которое я не был бы способен.

Жизнь под сенью смерти

В день каждый заключенный получал около двух маленьких чашек пустого риса и соленую воду в качестве супа. И на этой пище приходилось тяжело работать в течение восьми часов. Еды было так мало, что с ней можно было покончить в три глотка. Суп состоял из соленой воды, в которой плавали листья редиса, и все. Этому супу вполне подошло бы

название: «Вода из лужи, по которой прогулялась свинья, бродя по округе». Иногда суп был настолько пересолен, что его невозможно было доесть до конца. Но на смертном одре вы не отказались бы даже от этого супа...

Если кто-то не выходил на работу, его порция риса урезалась вдвое. Перспектива получить только половину крошечной порции вызывала такое уныние, что люди шли работать даже тогда, когда находились на грани смерти. Получив рис, вы тут же машинально запихивали его себе в рот, а через секунду уже не могли понять, ели вы что-то или нет. Когда заключенный видел, как другие получают свою чашку риса, до него доходило, что его чашка уже пуста. Часто он затевал драку с тем, кто был поблизости, заявляя, что тот съел его рис. Иногда люди умирали от удушья из-за того, что разом проглоченный рис застревал в горле и перекрывал дыхательные пути.

Если человек умирал, так и не доев свою чашку риса, его соседи дрались за рис, застрявший у мертвого во рту. Порой люди бессознательно тянулись своими палочками к чужим чашкам седой. Вы не представляете, как ужасно осознавать, что ты только что пытался залезть в чашку к своему соседу. Наша слюна становилась вязкой, как жевательная резинка.

Когда кому-то из заключенных родственники приносили соевую муку, он ее замешивал и делал хлеб. Если мука падала на камень, люди вокруг начинали драку за право слизнуть ее. Даже рыбий жир, смешанный с водой, казался нам деликатесом, а сырые соевые бобы были для нас настоящим лакомством. Если вам доставалось лишнее зернышко риса, оно было на вес золота. Если же оно падало на пол, то каким бы грязным он ни был, люди начинали драться за него.

Концлагерь был похож на долину смерти. За год в нем умирало 40 процентов заключенных. Людей хоронили каждый день. Большинство заключенных умирало в течение 3-4 лет. Это было частью политики коммунистов: сделать так, чтобы люди умирали от непосильного труда. Даже бесчеловечность имеет свои границы, но в том лагере она была просто беспредельной.

Праздники и сезон макрели

В тюрьме самым излюбленным лакомством были рис и бобы. Еще мы очень любили рис вперемешку с крупами. В праздники, которые отмечались в Северной Корее (1 января и 1 мая), нам давали рис с крупой. У каждого заключенного было одно пожелание — получить рис с бобами.

Еще по праздникам нам полагалась свинина, но охрана забирала все мясо себе. Однажды я нашел кусочек свинины у себя в супе. Никогда не забуду, как мы делили его на всех... Дважды в год, 1 января и 1 мая, нам

давали фрукты. Когда заключенный получал яблоко, он проглатывал его в момент. А я брал это яблоко в руку и приговаривал: «Какое же оно красивое! Дай-ка я насладюсь его прелестью и ароматом, прежде чем съем его!»

Концлагерь Хыннам находился на побережье океана, где ловилось много макрели [скумбрии]. В сезон рыбаки добывали целые тонны этой рыбы, поэтому она стоила так дешево, что ее пускали на удобрения. Когда наступал сезон улова, нам привозили целый грузовик макрели. Каждому заключенному доставалось по полной корзине рыбы, но поскольку мы не могли переварить ее, она выходила так же быстро, как и была проглочена. Стоило человеку присесть на землю, как из-под него начинал вытекать жидкий стул. У некоторых заключенных были такие проблемы с желудком, что рыба вообще не задерживалась в организме и тут же выходила с рвотой.

Одержимость едой

Вместе со мной в тюрьме сидели многие религиозные лидеры и влиятельные члены общества. Как оказалось, все их существование свелось к одной цели — еде. Один известный пастор сказал: «Как бы я ни искал Бога в этом царстве голода, мне кажется, Его здесь просто нет. Здесь нет ни тени Бога. Скорее всего, Бог сдался или покинул это место». Некоторые священники, сидя в тюрьме, даже стали материалистами.

Другой довольно известный пастор попал в тюрьму вместе со своим зятем, заболевшим малярией. Приступы болезни повторялись каждый день в виде сильнейшего жара. У пастора было лекарство против малярии, но он не дал его даже своему зятю. Вместо этого он обменял его на соевую муку. Он был просто одержим едой. Этот человек до сих пор служит пастором¹, хотя я не буду называть его имени. Однако встает вопрос: кто спасет и освободит небесную паству, которую «воспитывают» такие пасторы, помешанные на еде?

Три недели на половине пайка

Как я сумел выжить в таких условиях? Я был полон решимости сделать это с помощью духовной силы. Я укрепил в своей душе твердую веру в то, что смогу выжить на половине порции риса, и со следующего дня стал отдавать вторую половину своим товарищам по камере. Я продолжал делать это три недели. Я убедил самого себя, что смогу выполнять свою работу даже на половине крошечного пайка. Через три недели я начал съедать всю порцию, думая про себя, что вторую половину чашки дает мне Бог.

¹ Слова Отца относятся к 1973 году.

После такой самодисциплины я даже не касался той пищи, которую заключенным приносили со стороны. Если, к примеру, вам предлагают соевую муку, только представьте, как вам захочется ее съесть! Но я даже не смотрел на эту еду, иначе это привело бы к гибели. Мы должны научиться контролировать свое чувство голода и сдерживать свои аппетиты, чтобы успешно двигаться вперед.

Гречка и возникшая с ней проблема

Когда я вспоминаю об этом во время трапезы, я больше не могу есть. Это произошло во второй половине декабря 1949 года. Вы ведь знаете гречку, да? Так вот, в тот период времени нас кормили наполовину очищенной гречкой. Когда мы поели ее в первый день, у нас распухли лица. Нам приходилось есть ее, так как мы были очень голодны. Но гречку трудно жевать, поэтому мы ее просто глотали. Поэтому мы и заболели. Я знал об этом, поэтому во избежание проблем с желудком очищал каждое зернышко перед тем, как его съесть. Я никогда не забуду этого. Мы не могли выбросить эту пищу и съедали все. Я до сих пор не представляю, как мы могли это есть. Поев неочищенной гречки, мы заболели диареей, потому что не могли ее переварить. Эти боли, вызванные несварением желудка, стали одним из самых незабываемых воспоминаний тех времен.

Вспоминая о том, как мы ели ту гречку, я не могу жаловаться ни на какую еду. Помню, как туго нам пришлось в той ситуации. У меня язык не поворачивается сетовать на отсутствие десерта или каких-то дополнительных блюд. Я всегда благодарен за ту пищу, что стоит передо мной на столе.

Ценность пищи

Даже сейчас, когда я проголодаюсь, моя душа приходит в волнение при мысли о том, как драгоценно даже одно рисовое зернышко. Вы должны прочувствовать, как одно простое зернышко стимулирует ваши вкусовые ощущения, и ощутить его бесконечную ценность. Даже когда я был голоден и мечтал о еде, я старался подавить в себе это чувство и тосковать по Богу, проливая за Него слезы. Рис — очень хорошая еда, но в пищу вполне сгодится и ячмень, и пшеница, и овес. Я был больше благодарен за эту еду, чем за возможность оказаться на королевском пиру. Я — настоящий король в плане способности ценить вкус обычного риса. Все те годы, когда я ел соленый суп, я плакал от благодарности Богу, переполнявшей мое сердце. Глотая ячмень, я думал о своих предках, которым приходилось голодать, и представлял себе, что вкушаю плоды их тяжкого труда. Хотя я знал Божью волю и должен был хранить Его достоинство, я не оставлял пищу недоеденной и съедал все.

В тюрьме ваше обоняние чрезвычайно обостряется, да так, что в этом вы превзойдете любую собаку. Вы унюхаете запах мясного бульона даже за пару миль.

Тюрьма — лучшее место в мире, чтобы научиться ценить пищу. Вы становитесь таким голодным, что одно рисовое зернышко кажется вам в несколько раз больше Земли.

Делиться едой с другими

Когда заключенного навещали члены семьи или друзья, они приносили что-нибудь из еды. Даже если к нему приходила его любимая мать или жена, его взгляд прежде всего устремлялся на еду, которую она принесла, а не на ее лицо. И не было горше момента, когда он обнаруживал, что она не принесла ни соевой муки, ни чего-то другого.

Находясь в тюрьме Хыннам, я получал соевую муку раз в месяц. Поскольку в нашей камере сидело 30 человек, я не мог угостить всех чем-то существенным. Я давал каждому по полной ложке соевой муки на кусочке газеты. Дни, когда я угощал соевой мукой товарищей по камере, были настоящими праздниками. Хотя еда была очень ценна для меня, я не мог оставлять ее всю себе.

Я также смешивал муку с водой и делал соевые лепешки, а потом заворачивал их в газету и брал с собой на работу. Мне приходилось много потеть на работе, поэтому к обеду лепешки промокали от пота. И все же, когда я делился ими с товарищами, люди ели и плакали. Какие это были драгоценные моменты! Делясь с ними едой и поддерживая их, я становился для них лучшим другом и заменял им матерей и старших братьев.

Одежда, сшитая с любовью

В отличие от обычных домов, тюремные камеры не отапливались. В зимние месяцы и ночью, и утром в камере было холоднее, чем на улице, поскольку снаружи хотя бы грело солнце. Заключенным не были нужны ни шелковые, ни атласные одежды; люди дрались за обладание простым мешком. Им годился даже мешок из соломы. В тюрьме вы можете по-настоящему почувствовать ценность одежды.

Я всегда носил самую потрепанную одежду. Все свои хорошие вещи я раздавал другим заключенным, и с помощью бамбуковой иглы латал свои поношенные пожитки. Когда кто-то из близких приносил мне хорошую одежду, я отдавал ее тем, кто был беднее всего одет.

Также я мастерил одежду из палаточной ткани и отдавал ее тем заключенным, к которым никто никогда не приходил. Им очень нравилась моя одежда. Некоторые люди выходили на пронизывающий ветер в таких

лохмотьях, что сквозь них просвечивало белье. Именно таким людям я и отдавал вещи, сделанные своими руками.

Я также учил своих товарищей шить штаны. Для этого я брал оберточную ткань и вырезал из нее шаблон. По этому шаблону за одно воскресенье можно было смастерить десять пар штанов.

Я хотел накормить других, когда сам голодал, и хотел одеть других, при этом дрожа от холода. Я просто очень хотел даже в таком окружении соединить людей нитями любви. Если мне это удавалось, я, потянув за эти нити, мог притянуть к себе их всех.

Ценность простой иглы

Думаете, в тюрьме вам дадут иглу? Разумеется, нет. Вы должны сами позаботиться об этом. Известие о том, что у кого-то в какой-то камере есть игла, было самой сенсационной новостью. С этим человеком сразу начинались переговоры. Видя иглу, я спрашивал себя, есть ли в тюрьме что-то более ценное...

Когда нам нужно было что-то острое, мы собирали осколки битого стекла. Даже если впереди нас ждало наказание, мы забрасывали крюки на крышу фабрики и отбивали ими кусочки стекла. С их помощью мы брились и делали палочки для еды. Я учил людей, как это делается.

Вы берете кусок проволоки и стеклышком заостряете его. И вот у вас готова прекрасная игла! Изготавливая иглы, я слегка повредил себе передний зуб. Какой же бесценной была игла, сделанная с таким усердием! Даже человек, которого искал Бог, проникся осознанием ее ценности.

Молитва в заключении

Только абсолютная любовь. Больше ничего. Коммунисты посадили меня в тюрьму и подвергли самым разным испытаниям, но я ни на секунду не переставал любить Бога. Я хранил абсолютную веру в Него. Если я что-то пообещал, мое слово абсолютно. И если Бог отдавал мне приказ, я понимал, что этот приказ абсолютен — неважно, трудный он или простой. Даже в тюрьме я должен вести себя как преданный сын; если я — верноподданный Бога, я буду вести себя соответствующим образом.

Зная, что со временем вода, падая с высоты, пробивает камень, я думал о том, что слезы моей любви через какое-то время смогут пробить камень боли и горечи в сердце Бога. Вы вряд ли сможете понять, что значит плакать от всего сердца и видеть, как слезы падают на пол.

Попад в трудную ситуацию, я никогда не молился. Я мог вообще ничего не говорить неделю или даже месяц. Чем труднее было положение, тем больше я думал о том, как лучше всего мобилизовать свою мудрость и приложить самые искренние усилия для того, чтобы Бог нашел способ

работать через меня и позволил мне преодолеть испытание. Я думал о том, как использовать это побуждение моего сердца, чтобы дать возможность Богу через Его слезы освободиться от боли и скорби. Я также думал о том, как сделать так, чтобы взрывная волна моего сердца разрушила вражеские укрепления. Вот о чем я думал во время молитвы. Я вовсе не стонал и не плакал: «О горе мне, я должен выбраться отсюда!»

У меня были последователи, за которых я не переставал молиться с утра и до поздней ночи в течение почти трех лет заключения. Даже если кто-то из них уходил, я продолжал молиться за этого человека. Некоторые из них являлись мне духовно и со слезами рассказывали о том, как они ушли. Другие говорили, что им пришлось оставить меня из-за того, что они были больны и немощны. Видя, в каком плачевном состоянии они находились, я не мог не почувствовать сострадания к ним. Я должен был молиться за этих людей даже после их ухода, пока не появились бы другие, способные встать на их место. В течение трех лет я трижды в день молился за своих последователей.

Иногда, чтобы решить какой-то вопрос, мне нужно было молиться двенадцать часов или даже целые сутки.

В нашей камере сидел человек, осужденный за воровство. Однажды утром я застал его за кражей. Мне пришлось отругать его и сказать, что так поступать нельзя. Однако после этого я не мог молиться. Это был самый страшный ад на свете. Как плохо бы вам стало, если бы потухла ваша последняя свеча — единственный источник света в крошечной тьме?! Вот что я чувствовал в тот момент. После недели напряженных усилий, когда у вас снова начала получаться молитва, вы не променяете ее ни на что на свете.

Вы должны буквально пропитаться молитвой. Молитва — это жизнь! У вас должно быть нечто такое, что ни Бог, ни сатана не смогут сделать за вас. Вам необходима такая сила и жажда жизни, которую лишь вы одни сможете оценить и сохранить.

Возле туалета

Вместе со мной в камере находилось еще 36 человек. Летом в ней становилось очень жарко, но я все равно предпочел остаться в самом душном и зловонном месте. О чем я думал, сидя в том углу? Я вспоминал о том, какой морозной бывает зима. Если вам удастся подчинить себе зиму, вы справитесь и с летом, и наоборот.

Даже если вы лежите рядом с тем местом, куда люди ходят в туалет, подумайте о том, что вам повезло гораздо больше, чем Адаму и Еве. Им приходилось справлять нужду прямо на землю, а у меня хотя бы было ведро.

Если вы спите рядом с парашей, вам не избежать легкого душа из экскрементов, особенно если люди очень торопятся. Порой это «добро» обливало меня с ног до головы... Но что тут поделаешь? Даже в такие моменты я думал: «Ничего страшного. Ведь это — хорошая возможность для того, чтобы когда-нибудь взять в свои руки будущее человечества!»

Обретение контроля над своим физическим телом

Даже в самых тяжелых условиях мы несем ответственность за то, чтобы служить Богу и следовать за Ним. Иными словами, путь на небеса должен сиять даже в том случае, если вы находитесь в аду. На ночь заключенным давали всего треть чашки воды, не больше и не меньше. Но я, вместо того чтобы пить эту воду, смачивал ею ткань и обтирал свое тело. Если бы меня застали за этим занятием, я был бы наказан. Поэтому, чтобы принять эту «холодную ванну», я вставал за 10-15 минут до общего подъема.

В тюрьме также важно заниматься зарядкой, ведь вам необходимо поддерживать запас внутренних сил организма. Для этого я разработал целый комплекс упражнений, который оказался весьма эффективным.

Я всегда молился перед тем, как сесть куда-нибудь или встать, чтобы освятить это место и сохранить себя в чистоте. Даже когда я спал один, я не разбрасывал по сторонам руки и не вытягивал ноги. Ведь на вас смотрит Бог, и вам нужно соблюдать определенный этикет даже во время сна.

В субботу и воскресенье нам давали немножко свободного времени, и после еды можно было вздремнуть. Но я за все три года ни разу не лег спать днем, поэтому люди в камере могли сказать, что никогда не видели меня спящим. Когда вам очень хочется спать, ваш взор затуманивается и глаза закрываются сами собой. Однако если вы приняли решение не спать днем, вы не можете заснуть.

Пройдя через такой процесс тренировки, вы чувствуете, как Бог поддерживает вас, как только вы ложитесь спать. Когда вы настолько измотаны, что засыпаете, даже не переодевшись, думаете, вы сможете открыть глаза, чтобы сходить в туалет? В темноте очень трудно добираться до туалета, однако вы четко найдете дорогу, посветив себе «фонариком» — своей же ладонью. Вот как это происходит. Вам нужно научиться жить в такой реальности.

Охранники и сокамерники

Даже попав в тюрьму, я решил, что мне очень повезло, поскольку ко мне приставлены архангелы с кнутами, которые следили за тем, чтобы я не отклонился от своего пути. Я был благодарен тюремным сторожам и думал о них как об архангелах с дубинками, которые не дают мне поступать

неправильно — не в пример тому архангелу, что склонил Адама и Еву к грехопадению.

В маленькой тюремной камере вместе со мной сидело 30-35 человек. Среди них были все виды преступников, включая убийц. И с этими людьми я жил бок о бок. Иногда во сне мы держались друг за друга, и многое делали вместе. Когда ночью кто-то из них шел к отхожему месту, он запросто мог наступить или даже свалиться на вас. Там было столько смешных историй! В тюрьме не было деления на классы; все были равны. Бывало и так, что вы кушаете, а в это время у вас под носом справляют нужду. Но даже в таких случаях приходилось есть и пить, не жалуясь. На работу мы все отправлялись, взявшись за руки.

Если меня прямо сейчас посадят в тюрьму, я смогу подружиться с заключенными за три дня. Я очень хорошо понимаю этот мир. Он похож на наше общество в миниатюре. Я научился понимать историю каждого человека, поэтому я старался позаботиться о них и поддержать их. Я плакал вместе с ними, пытался их утешить и обращался с ними как с членами моей семьи. Нам всем нужна такая тренировка.

Сострадание к заключенным, приговоренным к смерти

Жизнь в тюрьме стала для меня лучшей тренировочной площадкой. Она научила меня любить истинной любовью всех людей, даже моих врагов; я работал и отдыхал бок о бок с теми, кому вынесли смертный приговор.

Мы спали все вместе, положив под голову руку соседа. Время от времени кто-то из смертников просыпался в два или три часа утра и начинал глубоко и горестно вздыхать. Вы не представляете, как сильно люди привязаны к жизни! Много раз я видел, как бледный и несчастный человек снова и снова повторяет свое имя. Он издавал тяжкие вздохи, и его лицо выражало неопишемую тоску и отчаяние. Кто знает — может, это будет последний вздох в его жизни?

Люди, приговоренные к смерти, часто думают: «Если бы можно было все начать сначала, возможно, все сложилось бы иначе».

Для тех, кто приговорен к смерти, нет ничего невозможного. Если бы кто-то мог спасти свою жизнь, пройдя пешком через весь Сеул с чашкой воды, балансирующей на лбу, он бы сделал это.

В тюрьме я осознал, что за тех, кого я пытался утешить, я должен был проливать больше слез, чем родитель, покидающий своего ребенка. Иначе я не смогу взять ответственность за восстановление. Лишь с таким отношением я мог затронуть сердца людей. Когда я брал человека за руку, я

хотел утешить его. Я объяснял ему, что наша земная жизнь — еще не конец, и что из нее истекает наша вечная жизнь.

Горячее стремление к свободе и благодарность

Невозможно ощутить ценность освобождения, не побывав за решеткой. Для тех, кто получил пожизненный срок, свобода становится просто бесценной.

В тюрьме самая лучшая новость — о том, что тебя пришли навестить. Так же было и со мной. Заключением очень не хватает возможности поделиться переживаниями с родной душой, и когда такой шанс выпадает, сколько же радости и счастья это приносит! Вам даже во сне не приснится, что люди могут мечтать о таких вещах.

Глядя на солнечный луч, вы представляете, что это — тоненькая карамельная струйка. Или лучше назвать его стружкой меда? Как приятно было думать об этом! Самый захватывающий рассказ о солнце и его лучах вы услышите от заключенных, сидящих в тюрьме, ведь они любят солнце гораздо больше, чем все остальные.

Человек, который по-настоящему ценит время, может очень эмоционально отнестись к смене времен года или к тому, что на улице выпал снег. Когда мне было плохо и меня преследовали, когда я потерял свою родину и был изгнан из дома, вы даже не представляете, как я тосковал по простым корейским народным песням!

Летом я завидовал насекомым, которые жужжали и стрекотали снаружи. Заключением завидуют даже мухе, которая может свободно летать туда-сюда через стальные прутья оконной решетки. В таком положении и вы позавидовали бы ей. Почему Бог заставил меня идти этим путем? Он хотел, чтобы я понял, что чувствует человек, сидя взаперти. И я был благодарен Богу за это.

У меня было великое множество самых разных друзей — это были и блохи, и клопы, и комары, и домашние мухи. Мы ловили их и смотрели, как они прыгают вокруг нас. Мы с ними столько общались, что наших бесед хватило бы на пару сотен увесистых томов.

Охрана и пропаганда

Тюрьма была центром распространения коммунистической идеологии. Над зданием тюрьмы коммунисты повесили табличку «Помещение для рабочих». Начальник тюрьмы, отвечавший за продовольственное снабжение и жилищные условия заключенных, частенько задавал нам вопрос: «Чувствуете ли вы благодарность нашему любящему вождю и отцу Ким Ир Сёну, который каждый день кормит нас?», и заключенные говорили «да».

В тюрьме проводились «встречи для размышлений»; это было время для самообвинения... В ходе таких встреч молодые коммунисты обычно садились вперед и охраняли. Они читали лекции по теории коммунизма, а потом просили заключенных написать отзывы о лекциях. Позднее из них составлялась целая книга. Авторы лучших отзывов вызывались вперед, чтобы вслух прочитать написанное.

Пожалуй, труднее всего было писать такие вот отзывы. За все время я не написал ни одного. Я каждый раз возвращал пустой лист, но это не было проблемой, ведь я всегда выполнял план. Я стал образцовым рабочим, иначе там было не выжить. Я знаю Северную Корею лучше, чем кто-либо другой, и хорошо изучил местную систему, пока сидел в тюрьме. Поэтому мне известно, в чем суть коммунизма и как он действует.

Моя мать навещает меня

Моя мать преодолела сотни миль, чтобы навестить меня в тюрьме. Однако когда она приехала, я встретил ее весьма сурово. Оробев, она только и смогла пробормотать: «Ведь я — твоя мама...». Она стояла передо мной с дрожащими губами, пытаясь вытереть слезы, бегущие из глаз. Эта картина намертво впечаталась в мою память.

Я упрекнул ее: «Почему же? Прежде чем быть твоим сыном, я являюсь сыном Кореи, сыном мира и сыном небес и земли. Пойми, я могу слушаться и любить свою мать только после того, как полюблю весь мир. Я не могу быть сыном человека со столь ограниченным менталитетом. Пожалуйста, отнесись ко мне как мать, у которой есть такой сын».

Чтобы добраться до Хамхунга¹ нужно было сперва доехать до станции Ёнгсан в Сеуле, а затем пересесть на поезд в Гёнгвон. Другого пути не было. Путешествие в Хыннам было крайне трудным делом и занимало около 20 часов. Чтобы навестить в коммунистической тюрьме своего сына, которого она не могла забыть, моя мать заняла рис у дальних родственников, поджарила его и сделала рисовую муку, а потом смело отправилась в дальний путь.

Она была крайне измотана поездкой, и тут еще сын начал ее упрекать. Прямо в комнате для свиданий он запустил руку в мешок с мукой и раздал его содержимое товарищам по камере. Я отдал им даже принесенную мамой одежду, в том числе и шелковые штаны, которые надевал на свадьбу. Я всегда носил поношенные тюремные робы, отчего моя кожа была истерта и изранена. Я отдал даже нижнее белье, которое мама принесла мне.

¹ Крупный город, расположенный на берегу Восточного (Японского) моря в 50 км от Хыннама.

Глядя на это, моя мама горько расплакалась. Ей было так тяжело и больно, что она не могла вымолвить ни слова. Вернувшись в дом старшего брата Мун Ёнг Ги, она выплакала там все свое сердце. Я хорошо знаю это.

Духовный мир свидетельствует обо мне

Находясь в столь тяжелых условиях, я не просил Бога помочь мне, однако Он всегда был рядом. Несмотря на всю сложность ситуации, многое было подготовлено. Конечно, в основном все зависело от моей решимости, но я ясно понимал, что Бог подготовил для меня все окружение.

В глубинах тюремного мрака таилось Божье бесконечное утешение. В ночной тиши или даже в отчаянии от того, что каждый мой вздох мог быть последним, я всегда видел протянутую мне руку Бога. Я постоянно чувствовал, как Он направляет меня в самые напряженные моменты жизни. Именно поэтому некоторые глядели на меня с подозрением. Я мог встретить Бога в самых трудных местах и в самых серьезных ситуациях — в те моменты, про которые и не догадаешься, что они подготовлены для такой встречи.

Сидя в тюрьме, я должен был заплатить искупление за неверие учеников Иисуса. С помощью духовного мира мне удалось засвидетельствовать 12 учеников, и благодаря этому я смог открыть новое будущее. Духовный мир — это сфера архангела. Из-за того, что архангел не выполнил свою миссию, Адам не смог достичь положения, исполненного славы, и построить должные отношения, поэтому у духовного мира не было другого выбора, кроме как помочь мне. Во времена пророка Илии Бог посылал ему ворона, чтобы тот приносил ему пищу; мне же Бог посылал людей.

Мой тюремный номер был 596; в корейском языке он был созвучен со словом «тот, с кем плохо и несправедливо обращаются». Предок какого-нибудь заключенного являлся к нему во сне и приказывал не есть рисовую муку, которую тот получил накануне, а отдать ее заключенному под номером 596 в такой-то камере. Сначала этот человек отказывался выполнять приказ, и тогда дух хватал его за шею снова и снова и грозно вопрошал: «Ты будешь это делать или нет?!», после чего у заключенного не оставалось выбора.

Благодаря таким духовным явлениям я собрал довольно много учеников. Если бы я мог говорить, их было бы еще больше. Кто-то из вас, возможно, знает, что 24 тайных ученика, среди которых были Пак Чонг Хва и Ким Вон Дук, пришли ко мне, ведомые духовным миром. Это были люди, готовые сделать все, что я ни попрошу, даже рискуя своей жизнью. Если бы я сказал: «Давайте сбежим отсюда», они бы, без сомнения, сделали это.

Приветствие одними глазами

Тюрьма состояла из шести связанных друг с другом блоков. Несмотря на строгий и неусыпный контроль охраны, некоторые заключенные очень хотели повидаться со мной, и для этого они осторожно подползали поближе, стараясь не попасться на глаза сторожам. По утрам мы выходили из камер в узкий коридор и становились в четыре ряда. Несмотря на тесноту коридора, люди протискивались ко мне поближе, подмигивали и быстро обнимали меня. Я был очень потрясен всем этим.

Если охрана заставляла кого-нибудь за подобным занятием, этого человека били прикладом и сажали в карцер на 1-3 недели. Тогда эти люди составляли план побега. Если заключенный попадался с таким планом в третий раз, его просто казнили. Но, несмотря на все трудности, все эти люди старались встретиться со мной и поприветствовать меня, ведь для них это было самой ценной частью прожитого дня. Вот в какую игру они играли.

Все это продолжалось несколько месяцев. Я уже начал бояться, что все это плохо кончится, и каждый раз просыпался в холодном поту. Иногда люди приветствовали меня, лежа на полу. Вам не понять всей трагичности этой ситуации и того, как жалко мне их было, если вам не довелось испытать все это на себе.

Вы не сможете прочувствовать всю глубину общения наших сердец с помощью одних лишь глаз, пока не окажетесь на нашем месте. Никакие энциклопедии вам этого не расскажут. Иногда мне казалось, что сам Бог улыбается, глядя на красоту наших отношений, и приговаривает про себя: «Как это чудесно!»

Еда, спрятанная на рабочем месте

За время моего пребывания в тюрьме Хыннам у меня появилось несколько последователей. Некоторые из них прятали пакетики с рисовой мукой в дурно пахнущих местах, где их вряд ли могли обнаружить, и позднее делились ими со мной. Воспоминания об этих пакетиках для меня несравнимо дороже, чем память о самых шикарных банкетах.

Некоторые заключенные подмигивали мне из угла тюремного туалета и шептали: «Я не могу есть это один, поэтому я принес кое-что вам. Учитель, вы же знаете, что я очень хочу разделить эту пищу с вами?»

Такие сердечные моменты, когда люди делились со мною рисовой мукой, трогали меня до слез и оставляли столь глубокое впечатление, что я никогда их не забуду. Однажды утром в день моего рождения ко мне подошел человек родом из Пхеньяна и подарил мне полную чашку рисовой муки, которую он сохранил специально для меня. Пока я жив, я не забуду этого...

Я никогда не забываю ни одного подобного случая и хорошо помню, когда и в какой тюрьме он произошел. Я должен воздать должное за такую доброту, чтобы не оставаться в долгу перед людьми. Если вы живете с таким отношением, у вас не будет никаких долгов. Даже если человека, сделавшего мне добро, уже нет со мной, я установлю еще большее условие и выплачу долг сполна через кого-то другого. Я не хочу уносить с собой в могилу ни одного невыплаченного долга. Это — моя философия и мое отношение к жизни.

Шаг к свободе и разрушительная война

С точки зрения Божьего провидения восстановления западная цивилизация должна любыми путями объединиться с Азией. Плоть и кровь, дух и тело, а также весь искренний вклад жителей Запада должны были прийти на Восток. Однако лишь в 1950-м году представители 16 стран прибыли в Корею — и сразу же вступили в ожесточенную битву.

Место рождения Мессии становится родиной всего человечества. Солдаты, участвующие в Корейской войне, жертвовали собой ради освобождения нашей родины. Мы можем сделать вывод, что с точки зрения Божьего провидения военный конфликт в Корее мобилизовал силы всего мира на кровопролитный бой ради освобождения нашей родины. Небеса призвали в Корею мужчин и женщин из всех христианских демократических стран, чтобы они пожертвовали собой ради освобождения этой провиденциально важной страны, которая с приходом Истинных Родителей стала идеальной родиной. Небеса послали в бой этих людей.

Как вы думаете, разразилась бы Корейская война, если бы христианство приняло Церковь Объединения? Конечно же, нет. Потребовалось бы максимум три года, чтобы полностью заложить национальное основание, и семь лет, чтобы заложить основание на мировом уровне. Корейская война, начавшаяся 25 июня 1950 года, совпала с серединой этого семилетнего пути. Из-за того, что христианство не приняло меня, сатана вторгся в эту ситуацию и установил свое основание на основе числа «семь». В результате возникли две противоборствующие силы: коммунизм и христианство. Именно с этого момента коммунизм начал расползаться по всему миру. Если бы коммунизм не обеспечил себе точку опоры на корейской земле, он не разросся бы до масштабов всего мира, а просто расплавился бы в моей руке.

Бомбардировка Хыннама силами В-29

1 августа 1950 года фабрика по производству удобрений в Хыннаме подверглась массированной бомбардировке со стороны американских

бомбардировщиков В-29.¹ Я не только предвидел этот налет, но и объяснил своим товарищам в тюрьме, что Бог защитит каждого, кто будет находиться в радиусе 12 метров от меня. В самый разгар бомбардировки я спокойно медитировал, и она мне совсем не мешала. Я целиком сосредоточился на идеальном мире, который ждет нас в будущем. Я знал, что если человек с такой провиденциальной миссией, как у меня, попадет сейчас в духовный мир, для Бога это будет означать утрату вселенского равновесия. Бог был готов заплатить любую цену за то, чтобы защитить меня. У Него просто не было другого выбора.

Вот какие мысли проносились у меня в голове, в то время как окружающие очень боялись и сидели с искаженными от страха лицами. По всей территории концлагеря рвались бомбы и люди кричали, что настал их смертный час. Вот в какой ситуации я находился... Что ж... Я совсем не боялся смерти.

Заключенных отправляют на передовую

25 июня началась Корейская война, и сразу же после этого коммунистические власти начали мобилизацию заключенных для отправки на передовую, где им суждено было стать пушечным мясом. Примерно восемьсот из тысячи заключенных, сидевших в тюрьме, должны были прибыть пешим маршем на сборочный пункт, находившийся в 50 км от тюрьмы. Подчиняясь приказу центрального командования о пополнении войск на передовой, мы выступили в путь.

Около 800 заключенных двинулись из Хыннама по направлению к Уонсану и Чонпхён². Согласно изначальному плану, нас должны были отправить туда по железной дороге, но часть путей была разбомблена, поэтому пришлось идти 50 км пешком. На тот момент в Хыннаме оставалось около 70-80 заключенных; все остальные отправились на передовую.

Я был в числе тех восьмисот человек, кто отправился в путь. Из-за непрерывных бомбежек идти днем было опасно, поэтому мы двигались ночью: выходили в восемь вечера и останавливались на рассвете. Таким образом, за ночь мы преодолевали около 25 км. Поскольку поезда также

¹ В документах американского правительства, касающихся Корейской войны, говорится, что в этот день «46 бомбардировщиков В-29 из 22-й и 92-й бомбардировочных групп нанесли бомбовый удар по фабрике азотных удобрений в городе Хыннам, крупнейшему химическому заводу на Дальнем Востоке».

² Территория вокруг Уонсана; не путать с Чхонпхён, что находится в Южной Корее.

могли ходить лишь ночью, наш поход был рассчитан так, чтобы мы прибыли на станцию общего сбора к 4 утра.

Однако из-за аварии поезд не смог прийти вовремя, поэтому заключенным нужно было ждать в этом месте еще несколько дней. Для охраны такого количества людей было слишком мало конвойных, поэтому охранники во избежание проблем приказали всем возвращаться в тюрьму. Через три дня после возвращения заключенным вновь было приказано отправляться на передовую. Однако на этот раз мне разрешили остаться. Я был единственным из тех восьмисот человек, кого оставили в тюрьме. Поэтому я выжил.

Конец тюремным испытаниям

Как закончилась эта история? В конце концов, ворота тюрьмы открылись, и настало время покинуть ее. Уонсан стал первым населенным пунктом, который заняли войска ООН. 19 октября наши солдаты вошли в Пхеньян, однако Уонсан был взят на рассвете 15 или 16 октября. Таким образом, концлагерь Хыннам стал одной из первых северокорейских территорий, освобожденных армией союзных войск. Неожиданное появление противника заставило охрану лагеря в спешке покинуть свои посты, и это позволило мне выбраться из тюрьмы.

Все эти события произошли благодаря тому, что Бог отчаянно желал спасти одного человека, Своего сына. 12 октября примерно семьдесят заключенных, приговоренных к семи и более годам тюрьмы, вывели в горы за 10 км от лагеря и там расстреляли. Поскольку я был приговорен к пяти годам, меня должны были казнить на два дня позже. Теперь вы понимаете, почему Бог так отчаянно стремился освободить меня.

Когда я выглянул из тюремного окна вечером 13 октября, я понял, что что-то происходит. Охрана побросала свои посты и сбежала в ночь на 14 октября, поскольку к лагерю уже приближались войска ООН. Это дало нам возможность выбраться из тюрьмы. Силы ООН предприняли генеральное наступление, и в два часа ночи 14 октября мы обрели свободу.

Если смотреть на мое освобождение как на решение суда, мы увидим, что его вынес не судья, а обвинитель, то есть сам сатана, за которым было последнее слово. Чтобы получить свободу, мне требовалось разрешение сатаны. Я успешно выполнил все возложенные на меня обязательства, поэтому солдаты армии архангела [США] совместно с военнослужащими других союзных стран в ответ на наступление северокорейской армии нанесли ответный удар и смогли освободить меня. Вот каким образом я вышел из тюрьмы.

Тот факт, что 14 октября 1950 года, за день до предполагаемой казни, меня освободили войска ООН под командованием генерала МакАртура, свидетельствует о том, что мое спасение было полностью подготовлено милостью Бога и Его могуществом. Также благодаря тому, что я был освобожден из тюрьмы силами ООН, весь демократический мир смог обрести определенное преимущество. Иными словами, союзная армия ООН приняла непосредственное участие в моем спасении из концлагеря Хыннам, и это стало провиденциальным условием, позволившим демократическому миру обрести спасение и благословение.

Октябрь для Церкви Объединения стал месяцем освобождения. Именно на октябрь выпадает мое освобождение из тюрьмы Содэун 4 октября 1955 года и из концлагеря Хыннам. Стоит мне лишь подумать об этом, как тут же к горлу подступают слезы. Этот месяц напоминает мне о том, скольких людей больше нет со мной. Я также потерял свою семью — любимую жену и сына.

Моя жизнь в тюрьме — история и традиция

Знаете ли вы, как я жил в тюрьме? Очень важно, чтобы посещение этих святых мест стало для нас традицией... Каким драгоценным будет чувство собственного достоинства и свободы, которое обретут все те, кто выполнит обещание последовать по моим стопам и перенять историческую традицию, заложенную мной! Вот почему я попросил Ким Ир Сена открыть для посетителей место моего рождения. Я также попросил его открыть для посещения трудовой лагерь Хыннам, чтобы оба этих места стали образовательными центрами для проведения подготовительных программ, длительность которых будет соотноситься с числом лет, прожитых мной в обоих местах.

Мое заключение в Хыннаме не было для меня ни отступлением, ни неудачей. Всю мою жизнь Бог работал над тем, чтобы превратить мой тюремный опыт в могучий источник вдохновения, способный зародить новую жизнь в сердцах молодых людей, которые изучают идеологию Церкви Объединения по мере ее распространения по всему миру...

Тюрьма — это лучшее место для тех, кто хочет узнать, чего он стоит, и заново воссоздать себя. Если мы хотим воспитать молодых лидеров, способных взять ответственность за объединение всего мира, думаю, нам понадобится тренировка на выживание в подобных условиях.

Решимость начать все заново

Когда вам тридцать, вы по-прежнему чувствуете себя молодыми. Сравнивая те времена с нынешним моментом, я понимаю, что это было время моей молодости. Выйдя из тюрьмы в 30 лет, я принял решение начать

жизнь заново. Не имело значения, насколько мучительными и горькими были последние несколько лет в Северной Корее. Я дал себе установку забыть все пережитые трудности и думать о прошлом не как о помехе или потере, а как о стимуле, который подтолкнул меня к новому началу на пути исполнения моей исторической миссии. Я был тверд и непреклонен, понимая, что на мне лежит ответственность выполнить эту миссию любой ценой. Я принял столь твердое решение к тридцати годам, в самом расцвете сил. Мое освобождение из тюрьмы стало моим возрождением; это был момент начала провозглашения истины Божественного Принципа.

Те, кто последовал за мной после освобождения из Хыннама

Когда нас освободили, несколько человек ни за что не хотели покидать меня. Они плакали от отчаяния и просили меня разрешить им следовать за мной. После того как я вышел на свободу, четверо моих товарищей оставили своих родителей и жен, чтобы всюду быть со мной. Среди них был человек из рода Мун, который занял положение Каина.

Этого человека звали Мун Чонг Бин. Он работал начальником отдела в администрации портового города Хамхунг в южной части провинции Хамгёнг. Чонг Бина приговорили к тюремному заключению из-за ошибки, совершенной его подчиненным. Какое-то время мы были вместе с ним в одной камере, а потом он получил откровение из духовного мира и стал моим учеником. Позднее он последовал за мной по пути из Хыннама в Пхеньян.

Несмотря на то, что у него была жена и двое сыновей, Чонг Бин был очень предан мне и, выйдя на свободу, часто навещал меня в тюрьме, с нетерпением ожидая моего освобождения. Покинув концлагерь, я без промедления отправился в Пхеньян, но поскольку мой путь лежал мимо дома Чонг Бина, я почувствовал, что должен зайти и поздороваться с его семьей. Обменявшись приветствиями и попрощавшись с хозяевами, я пошел дальше. И тут вдруг Чонг Бин выбегает из дома, догоняет меня и идет рядом! Я спросил, почему он это сделал, и он ответил, что почувствовал, как его буквально вытолкнуло из дома вслед за мной. Так мы и пошли вместе.

Узелок с лохмотьями тюремной одежды

Одежда, которую я носил в концлагере — рубашки и нательное белье — была сделана из хлопка. Когда заключенные работали на фабрике, аммиак и серная кислота, используемые при производстве удобрений, быстро портили одежду. Оба этих вещества очень едкие; они разъедают органическую ткань, в том числе и хлопок. Пытаясь натянуть одежду на себя, вы легко можете порвать ее на части. После длительного ношения наша одежда была истерта до дыр и начала гнить. Если такие лохмотья

отдать какому-нибудь бродяге, его вид станет еще более жалким. Все это выглядело и пахло просто ужасно. Стоило вам потянуть или поцарапать это тряпье в любом месте, как от него легко мог отрываться целый лоскут. Поскольку я не мог выбросить свою одежду, я набивал ею постель, которую расстилал на полу камеры, и лежал на ней как на матрасе. Я вытряхивал содержимое матраса и набивал его всякой поношенной одеждой, чтобы сохранить ее на протяжении всех трех лет моего пребывания в тюрьме.

С какими пожитками вы выходите из тюрьмы? Я унес с собой узелок своей старой лагерной одежды и тащил его все 10 дней пути от Хыннама до Пхеньяна. Прибыв в Пхеньян, я попросил одного из своих последователей присмотреть за моим узелком. Я сказал ему, что если даже ему придется выбросить свой шелковый пиджак, рубашку или одеяло из импортного атласа, он должен обязательно сохранить этот узелок и потом вернуть его мне. Тем не менее, при первой же возможности этот человек избавился от моего мешочка, сохранив при этом тряпье своей семьи... Так я потерял свою одежду.

Если бы только она сейчас была у меня, мне не нужно было бы ничего объяснять. Эта одежда была бы так драгоценна, что ее нельзя было бы променять на всю Вселенную. Она сама рассказала бы о себе и вызвала бы куда более глубокие чувства, чем речь самого талантливой оратора. Я до сих пор не могу найти слов, чтобы выразить, как я расстроен пропажей своей тюремной одежды. Где я найду ей замену? Можно ли ее где-нибудь купить? Нет. Такие простые вещи, как маленький обрывок бумаги или клочок газетной статьи, становятся бесценными историческими реликвиями, если они имеют отношение к вашей общественной миссии. Даже если вы совсем обнищали и умираете от голода, имея на ужин лишь сухой листик редиса, вы должны думать прежде всего о том, как сохранить этот листик в качестве исторического свидетельства, положив его в надежный конверт или сфотографировав его. Такие вещи помогут вашим детям унаследовать саму сущность нашей традиции, и вам не придется им ничего говорить.